

* * *

Падал в омут –
то есть в воду –
чёрную-чёрную,
что течёт
наречённая
безымянной рекой,
падал между материков –
в сплетение меридианов –
натянутых
будто паучья сеть,
из которой только осе –
жёлтой пуле –
в жарком июле
под силу вырваться.
Падал – словно от выстрела –
в сухую траву
вдоль дороги, где наяву –
столбы, а во сне – обелиски
аввилонских царей со списками
древних законов,
которые вырвали с корнем
из кодексов
и вшили комиксы.

Падал в багряный мох
из сказки про теремок
зайцем или медведем –
прочь от таких соседей,
падал в ворох бумаг –

сир и наг,
перепачкан чернилами,
соком черники,
жертвенной кровью –
закупоренной тромбом,
откупоренной бритвой.
Падал – на манер метеорита –
пронзая купол небес –
кубарем в лес,
ищи-свищи,
как камень,
пущенный из пращи, –
канул
в ночи...

Падал тысячу раз –
то в бровь, то в глаз,
то в тюрьму, то в суму –
извалялся в пыли,
окунулся в сурьму –
Господи, подними.

* * *

Здравствуй, Нобель,
я – Врубель.
Демон – в жаркой утробе
раздувающий угли –
сел на kortочки рядом –
смотрит в самую душу.
Он – желает награду:
номинируйте, ну же.
Холст – как старая карта
рудников потаённых –
обрекает на кару,
что пророчат знамёна
и железные крылья.
Нобель, Нобель,
я – Врубель, быль – я.
В окнах – пустыня Гоби.
Премию тратит пространство
на широту и высоту.
Демон – на фоне красном
лик свой из пепла выстлав.

Здравствуй, Врубель,
я – Нобель,
динамитом загублен
тоннель, впрочем, мы оба –
знаем, что выход – внутри.
Номинации – тщетны,
но демон твой – посмотри –
к нам заходит с планшета

по вай-фаю и пишет комменты,
мол, засилье плохих репродукций
и дорогие билеты
на выставку – самую кущую.
Врубель, Врубель,
я – Нобель,
мне валюта – не рубль,
но в застиранной робе
кочегар с парохода на Волге
бросил в топку и свой уголёк,
чтобы путь этот долгий –
был широк...

Демон смотрит с холста –
он и Нобель, и Врубель,
он – рубильник, врубающий страх
перед миром, сколоченным грубо
на задворках вселенной,
он – кабель, он – кобальт,
он – набат над долиной оседлой,
где собаку с ножа мясом кормят.
Запекаются краски,
выпекаются деньги,
а на фоне – по-прежнему красном –
смотрит в душу к нам демон.

* * *

В Каракумах
кара – сотрут в муку,
в бессловесный песок. Культура –
песчаная буря, но на слуху –
только ветер... В клещах скорпиона –
забытые кем-то перчатки.
Это – Шёлковый путь – опасный, нескорый,
где участь заблудших – печальна.

Дли песок, разворачивай вширь песок.
Караванщик поёт про оазисы и колодцы
на горбе большого верблюда, про колесо
золочёной арбы, что катит – подобно солнцу –
по таким городам,
где динарию некуда пасть...
В Каракумах же деньги – вода,
уходящая в жёлтый песок – как сейчас.

След варана – извилист и узок.
Ещё уже – след кобры. Нет точки в конце.
В дебрях контурных карт бывших республик Союза –
потерялся штабной офицер.

По степенным журналам ступают великие ханы –
их дамасская сталь равносильна судьбе.

Угостив многочисленных слуг рассыпными стихами,
ханы – боги в суде...

Вновь зачах саксаул.
Лишь песок на хлеба перемолот –
лёгок он навесу
в пальцах ветра, с которым молод
снова воздух. Горяч простор,
не коснуться ладонью – ошпарит.
Здесь не встретится вор,
там кочуя, где рельсы и шпалы...

* * *

А в Нижнем Новгороде – полдень.
То – тусклый цитрус на разрез.
Лишь лёгкий иней на капотах
ещё играет с тем, что есть,
ещё неспешный старый дворник
пыль новогоднюю метёт,
в лужёном ощущая горле
настойки самопальний мёд...

Пространством – заточённом в кубе –
по-прежнему дивится глаз,
ведь красоту не призымы губят,
а то, что к ней остыло в нас...

* * *

На севере –
небо серое,
да снег бел.
На юге – бежит по трубе
виноградная кровь
рекой, но в ров.
На западе –
утиные заводи –
да охотник уснул с ружьём.
На востоке –
берёзовым соком
поят, хоть заказывал-то крюшон...

На севере –
живут бессеребренники –
коптят рыбу, ждут лета.
На юге – опять вендетта,
а в перерывах – румба.
На западе – губы
приучаются к резкой речи.
На востоке – в аптечке
один аспирин,
но устав предписал: терпи.

На севере –
в расселинах
гнездятся чайки –
криклиевые необычайно.
На юге –
под солнцем на каменюге –
греется аспид –
очень опасный.
На западе –
в душном запахе
спиленных лип –
пыльный свет суетлив.
На востоке –
рубят с насекома,
а после – отрубленной голове
командуют: гоп-алле!

Смотришь туда-сюда:
на седьмом киселе вода,
то ли суббота, то ли среда,
челюскинцам вновь не хватает льда
в стакане с чем-то, что никогда
не обнажает дна...

То севера
отсыревшая сера
на спичках,
то юга античная –
битая в щебень – посуда,
то запада пошлая скука,
то востока
списки потерять о высоком.
Что, заблудился, сокол?

* * *

Прыг да скок
воробей-пересмешник
по карнизу, что высоко,
по асфальту кромешному,
что где-то внизу, в пыли...
Прыг да скок.

По Волге плывут корабли
в навигацию, а меж зимой и весной
раскатаны льды.

Прыг – по пристани,
скок – у воды.

В суете – то пёстрой, то мглистой –
птичке, что с ноготок
найти бы мизинчик,
указующий потолок,
в который ввинчен

крюк для нового солнца.
Тысячи ног – топ-топ,
гул шагов раздаётся
в жарком вареве толп,
а под ногами – прыг-скок.
Вроде бы – воробей, не слово,
но и язык часто скор,
хоть на слове и ловят.

Прыг да скок –
с Горького на Ильинку,
с Маслякова к Малой Ямской.
Прыжки – под сурдинку,
скачки – под шаманский бубен.
Хлебная крошка – как манна
небесная, рядом рубль –
не к месту, ведь нет кармана –
подберут те, что без крыльев.
Отражаясь в витринах,
прыг да скок: рынок,
площадь, трамвайная остановка,
памятник, тихий сквер...
Был бы соколом
или орлом, например,
клевал бы сильнее и чаще,
а у ворон был бы в авторитете.
Зато – тот, кто ищет – обрящет.
Зато – любят дети.

А дети – возле скамеек
с мамами день-деньской.
Ну же, давайте смелее –
прыг да скок,
прыг да скок,
прыг да скок...

* * *

Сгрёб кочергой угольки –
смотришь: искрятся,
а глубже – капли свинца – легки
и тусклы – как коготки ястреба
в растрёпанном тельце мыши,
а глубже – оплавленная стекляшка –
осколок фужера, который вчера был лишним,
если вспоминать про вчерашнее,
а глубже – мебельный гвоздик,
выпавший из обивки кресла –
вот и всё. Искрятся – не то чтоб звёзды,
но всё-таки – интересный
с точки зрения наблюдателя космос.
Тянешься кочергой. Может быть, что-то ещё?

Нет. Ничего. На портрете – мальчик курносый
смотрит так – будто бы стал лещом
в глубокой посудине комнаты,
наполненной затхлым воздухом
с запахом гари, которого много в городе,
где ты – постоянно возле
какого-то края. Исчезает колечко дыма –
и вот уже не искрятся
те угольки, что могли бы
дальше служить для глаза
маленьkim космосом
с капельками свинца,
со стёклышком да гвоздём, и курносый
мальчик – с гуашью в чертах лица –
махнув плавником,
ходит на самое дно холста.
С последним гаснущим угольком
первая всходит в окне звезда...